

Отец Сергей

Сейчас он держит обет безбрачия,
а потом примет монашество и перестанет есть мясо

Сейчас много говорят и пишут о духовном возрождении нации, об особом пути развития русской души, для которой годы засилья атеизма были испытанием на прочность старинных идеалов и традиций. А ещё говорят, что Россия возрождается провинцией. Дескать, в столице русского души и телом человека днём с огнём не сыскать. Матушка-Москва уже давно стала в прямом смысле слова Златоголовой, на её архитектурный облик работает вся страна и главный российский мэр Лужков, а провинция пытается собственными силами ремонтировать старые храмы и обживать заброшенные монастыри. И если в малых городах здания с потрескавшимися табличками «охраняется государством» были у всех на виду и худо-бедно реставрировались, то на сельские церкви в эпоху битв за урожай не хватало времени, сил и средств. Горьким упрёком в бесхозяйственности и бездуховности стоят в переславских сёлах остовы храмов, разобранных по кирпичику «на хозяйственные нужды».

Разорение не обошло и церковь Живоначальной Троицы в селе Большая Брембола. После революции здание было закрыто, но три десятка лет назад озабоченный досугом сельской молодёжи председатель сельсовета решил устроить здесь дискотеку. Для начала пригласили работников музея, те вывезли всё самое ценное, а остальное досталось местным бабушкам. За ними в храм ринулась молодёжь. Прыгали в церковных стенах, разбили каменный пол — искали клады.

Потом и этот «очаг культуры» угас, и на дверях опять появился пудовый замок.

Церковь открыли в 1998 году по просьбе селян. Сначала там служил отец Александр, а в помощниках у него был пономарь Сергей Шубин, через год ставший настоятелем брембольского храма — отцом Сергием. Мы побывали в Большой Бремболе и познакомились с молодым батюшкой.

— Отец Сергей, Вы ведь родом из Переславля?

— Да, все мои предки родом из Рыбачьей слободы, и я сейчас живу там, на улице Правая Набережная. Как начал четыре года назад работать здесь, в селе, по несколько раз в день из города приходилось пешком ходить, пока машину не купил.

В первый раз в церковь меня привела мама, она работала в Покровской церкви Переславля, но в духовное училище поступил по своему разумению, а не под её влиянием. Тогда к нам из Ярославля летом приезжал митрополит Иоанн Вендланд, у него половина дома была рядом с Покровской церковью. Мы с ним вместе на озеро ездили, по городу, вдоль речки гуляли. Так что, скорее всего, было влияние митрополита Иоанна.

Я окончил Ярославское духовное училище и ждал распределения, пономарил тогда в Покровском храме Переславля. По просьбе брембольского батюшки Александра пошёл пономарём в Большую Бремболу. Через год архиепископ Ярославский и Ростовский Михей рукоположил меня в настоятели.

— Вы решили продолжить обучение?

— Протоиерей отец Георгий (Лаврентьев) посоветовал поступить в Костромскую семинарию, потому что в Москве в семинарии очень большая учебная нагрузка, а мне надо церковь восстанавливать.

— **На какие средства восстанавливаете храм?**

— На спонсорские деньги и средства, поступающие от жителей села. Каждые два месяца селяне по домам собирают: кто пятьдесят рублей даст, кто сто. Помогают москвичи и переславские предприниматели. Недавно жёны предпринимателей Алексея Селезова и Александра Сергеева привезли посуду для кухни, с краской помогли — собираемся храм снаружи покрасить. Обзваниваю переславские предприятия, некоторые откликаются. Благодарю тех, кто помог, не остался равнодушным.

— **А часто отказывают в помощи?**

— Да сколько угодно. Говорят, денег нет. От районных и сельских властей помощи почти не получал. Похоже, что судьба православных храмов их не интересует.

— **В церкви новый иконостас, резные колонны — из дерева?**

— Нет, это гипс. Один мужичонка пришёл, предложил свои услуги, сказал, что ему есть нечего и жить негде. Сначала я ездил с ним по храмам, изучали рисунок колонн. Он их и делал. Приютил я его, а он взял да и пропил кое-что из храмовой утвари, в ящик церковный залез. Бабушкам наплёл про меня нелепицы, а сам исчез.

— **Газовое отопление в храм недавно провели?**

— Да, в феврале этого года, раньше баба Аня печку топила.

Баба Аня — расторопная бабушка в белом платочке — в это время управлялась с охавкой цветов. Услышав своё имя, сразу же поинтересовалась: «А вы, голубки, по какому делу?» Получив удовлетворивший её ответ, продолжила: «Я в эту церковь пришла вместе с батюшкой Сергием, он как мой последний сын. До него у нас храм был весь разваленный, я переживала: в городе восстанавливают, а у нас? Когда церкву-то открыли, матушка, что при отце Александре была, меня к себе поманила: приходи, помогай. Я и осталась. Прихожу один-два раза в день, а то и через день. Стёкла протираю, свечки и иконки продаю, покрывала глажу. Вот цветы принесла — половина с моего огорода, а другие соседка через дом дала. Почему именно здесь, у иконостаса, их поставила? Я ходила, приглядывала в других церквях: везде у Царских врат живые цветы стоят.

— **Батюшка, велико ли хозяйство у Вашего прихода?**

— В штате три человека: кроме меня — бухгалтер (она дома работает) и регент хора. Регент специально приезжает из города на службы, как и я.

— **Вы рады тому, что работаете в селе, или Вас больше в город тянет?**

— Мне здесь больше нравится, потому что здесь я загружен физически, а в городе только требы исполняешь, да и народ здесь более простой и душевный. В городе больше работы наставнической: людей надо направлять, разъяснять, не выдавать прописные истины, а подталкивать самих к решению проблемы. Вот приходит женщина и жалуется: «У дочери кольцо на руке лопнуло, что это, к разводу?» Надо её успокоить и объяснить. Хотя бывает, захочется поближе к дому работать. Вот сегодня машина сломалась, добирались на вашей. А то пешком бы пришлось. Иногда задумаешься: может, в городе я принёс бы больше пользы в плане духовного влияния — там народ сильнее испорчен. В деревне все друг друга знают, потому и опасаются предосудительного поступка.

— **У многих людей своеобразное отношение к исповеди. Считается, что это самое слабое место в работе священника с паствой. Само по себе это таинство — оно тяжело для Вас, накладывает какие-то обязательства, ответственность?**

— Есть священники, которые близко к сердцу принимают людские тяготы, излагаемые на исповеди, и это сказывается на их душевном состоянии, даже на мировоззрении. Начинаются нервные расстройства. Я отношусь к этому спокойно, стараюсь не переживать вместе с ними. Ко мне много таких людей приходит, и я прошу у Бога их всех простить.

— **А у вас здесь, в селе, есть своё жильё?**

— Есть, но там ещё не закончен ремонт. Небольшая служебная квартира в пристройке к колокольне. Я сейчас покажу. Вот кухня, это — трапезная, а это — спальня.

— **А ведь здесь, вокруг церкви было, наверное, кладбище?**

— Да, было, но теперь, как видите, даже могил не осталось. Сюда и коров приводили, да и сами люди топтались.

— **Не страшно ночевать в окружении могил?**

— Бояться надо живых. Вот я, например, стараюсь поменьше иметь дела с теми, кто обманывает.

— **А Вас часто обманывали?**

— Бывало. Пообещают — и не исполняют. Но на всё воля Божья. А есть и такие люди, которым в удовольствие наветы про батюшку сочинять, что-де ворует и ведёт себя непристойно. Уже было не одно разбирательство на этот счёт. Конечно, когда разобрались, меня оправдали, но всё равно неприятно.

— **Молодёжь к Вам в храм приходит?**

— В основном бабушки и люди средних лет. Молодёжь чаще бывает на престольные праздники. На прошлую Пасху пришло народу человек четырёхста, больше половины — молодёжь. Не все поместились, на улице стояли.

— **Как Вы считаете, что их тянет в храм — любопытство или что-то другое?**

— Ну, у одной трети, пожалуй, произошло какое-то внутреннее перерождение, а остальные приходят посмотреть: может, батюшка в другом облачении выйдет — не в таком, как в прошлом году; с чем выйдет, что скажет на проповеди? Некоторые думают, что причина их нынешних неудач и несчастий — то, что они сотворили в прошлом. Молодой мужчина пришёл: «Мы здесь пол выломали, я светильник разбил, меня Бог наказал, чем я могу помочь храму?» И помогают — сначала рьяно, а потом быстро охлаждаются. Видимо, решают, что уже достаточно искупили свою вину.

— **А почему Вы дали обет безбрачия?**

— Чтобы принять монашество. Ведь для того чтобы стать монахом, вовсе не обязательно уходить в монастырь. Можно остаться священником в миру. Монашество — это особое внутреннее состояние, на него решаются, чтобы не искушаться в миру и суметь разобраться в вопросах, ответы на которые открываются немногим. Цель — спасение души с помощью молитв и общения с такими же монашествующими людьми, отрекшимися от мирской суеты. Сейчас я держу обет безбрачия, а когда приму монашество, перестану есть мясо. Есть люди, которые мне доверяют, верят в меня, и я должен сдержать свой обет перед Богом.

— **Но ведь многие наши священники имеют семьи, детей и счастливы этим. Женщина не является для них препятствием на пути к Богу...**

— Я не считаю, что все женщины плохие и потому лучше с ними не связываться. Просто хочется помочь маме, у которой жизнь была нелёгкой. Ведь именно ей я обязан тем, что во времена безбожия избрал путь духовного становления. Храм я посещал с тех пор, как себя помню. Я никогда не был пионером и комсомольцем. Когда учился в Ленинской школе, директор, завучи и классные руководители вечно меня ругали, ставили в угол, вызывали маму в школу и снижали отметки. Хотя я и старался, но «пятёрок» никогда не получал. На второй год даже оставляли. Любимым предметом была история, а первой книгой — Евангелие в синодальном переводе — семейная реликвия, старое, ему уже лет двести.

У меня нет ни одной фотографии, где бы я снялся вместе с классом: никто не хотел фотографироваться с изгоем по кличке «церковник». Так звали меня с четвёртого класса (с первого по третий я учился в школе №2 у Игоря Александровича Кручина).

— **Вы не жалели тогда, что избрали такой трудный путь? Неужели так сильна была воля у одиннадцатилетнего мальчика?**

— Я считал, что я прав, а большинство не право. Были ещё два-три мальчика из школы, которые тайком вместе со мной посещали Покровский храм. А я не тайлся. Многие из моих одноклассников поняли сейчас, что неправильно себя вели, говорят, что им неудобно. Я знал, что Господь их наставит.

— **Своё будущее Вы связываете с этой церковью? Уже столько сил в неё вложено, что, наверное, Вы к ней сильно привязались?**

— Я ни к кому и ни к чему никогда не привязывался. Привязаться — значит наложить на себя бремя. Когда наступит время расставания с предметом своей привязанности, можно больно поранить свою душу. Как бы я ни уважал и ни любил человека, который у меня работает, если он захотел уйти, я не буду на коленях умолять остаться. Попрошу, а не хочет — его воля. Если мне владыка завтра скажет: «Ты переводись в другой храм», — безропотно подчинюсь.

— **А если в другую область отправят? Ведь Переславль — Ваша родина, здесь живёт мама...**

— Думаю, что в чужие края не отправят, здесь ещё не всё закончено.

— **Бывали у Вас когда-нибудь инциденты во время службы, когда приходилось кого-то выводить из храма?**

— Ко мне такие не приходят, которых надо выводить. Они знают мой характер. Если я стою в алтаре спиной к народу и кто-то вдруг заговорит, мне стоит повернуться и посмотреть — и тишина гробовая. У меня в храме всегда железная дисциплина: служба начинается ровно в 8.00 и в 17.00, а не плюс-минус 15 минут, как в других храмах.

— **По поводу внутренней дисциплины Достоевский писал: «Если Бога нет, то всё дозволено». Человек веками стремился к свободе, а пришёл — к безбожию и вседозволенности?**

— Я считаю, что сейчас у людей слишком много свободы. И каждый понимает её по-своему, многие — как вседозволенность. Такая свобода портит русский народ. Селяне в этом плане менее «свободны», чем городские жители. Выходит, Россия действительно возрождается провинцией.